Солнечная

Автор:
Иэн Макьюэн

Солнечная

Иэн Макьюэн

Внутри сферы. Проза Иэна МакьюэнаИнтеллектуальный бестселлер

Иэн Макьюэн – один из «правящего триумвирата» современной британской прозы (наряду с Джулианом Барнсом и Мартином Эмисом), шестикратный финалист Букеровской премии – и лауреат ее за роман «Амстердам». Снова перед нами, по выражению маститого критика из «Афиши» Льва Данилкина, «типичный макьюэн, где второе слово обозначает не уникальность автора, а уже фактически жанр».

Итак, познакомьтесь: Майкл Биэрд – знаменитый ученый, лауреат Нобелевской премии по физике, автор Сопряжения Биэрда-Эйнштейна, апологет ветряной и солнечной энергии, а также неисправимый неряха и бабник – пытается понять, отчего рушится его пятый брак. Неужто дело не в одиннадцатой его измене, а в первой – ее?..

Впервые на русском.

Иэн Макьюэн

Солнечная

Посвящается Полли Байд (1949–2003)

Когда Кролик видит, как растрачиваются богатства мира, и понимает, что и земля тоже смертна, ему доставляет удовольствие мысль, что и он богат.

Джон Апдайк. Кролик разбогател (перевод Т. Кудрявцевой)

Часть первая

2000

Он принадлежал к той разновидности мужчин – невзрачных, часто лысых, низкорослых, толстых, умных, – которые необъяснимо нравятся некоторым красивым женщинам. По крайней мере, он верил, что нравится, и благодаря этому как будто действительно нравился. К тому же некоторые женщины верили, что он гений, которого надо спасать. Но нынче Майкл Биэрд был человеком с суженным сознанием, не радующимся жизни, человеком одной темы, ушибленным. Пятый брак его распадался, и ему полагалось бы знать, как себя вести, видеть вещи в перспективе, сознавать свою вину. Разве женитьбы, его женитьбы, не были похожи на прибой? Едва одна откатывалась, тут же накатывалась другая. Но в этот раз было иначе. Он не знал, как себя вести, перспектива его мучила, и вины за собой он не видел. Это жена его завела роман – завела вызывающе, в отместку ему и без малейших угрызений совести. В сумятице чувств он обнаруживал у себя острые приступы стыда и любовного томления. Патриция встречалась со строителем, их строителем, который перекрасил их дом, оборудовал кухню, настелил плитку в ванной, – с тем самым дюжим мужиком, который однажды в перерыве показал Майклу фото своего дома, в тюдоровском стиле, собственноручно оттюдоренного, с моторкой на прицепе под викторианским фонарным столбом, бетонной дорожкой и местом, на котором будет воздвигнута списанная красная телефонная будка. Биэрд с удивлением обнаружил, как непросто быть рогоносцем. Страдать нелегко. Пусть никто не скажет, что человек в его возрасте защищен от непривычных переживаний.

Дождался. Четыре его прежние жены, Мейзи, Рут, Элеонора, Карен, все еще интересовавшиеся издали его жизнью, торжествовали бы, и он надеялся, что им не расскажут. Ни один из его браков не длился больше шести лет, и это было своего рода достижение, что он остался бездетным. Его жены быстро понимали, насколько печальна или пугающа перспектива иметь в доме такого отца, они предохранялись и уходили. Ему нравилось думать, что если он и приносит несчастья, то ненадолго, не зря же какие-то отношения со всеми бывшими женами у него сохранились.

Но не с нынешней. В лучшие времена он мог бы вообразить, как мужественно устанавливает для себя двойные стандарты, с приступами грозной ярости, возможно, с эпизодом пьяных криков ночью в садике за домом или разгромом ее машины и рассчитанным ухаживанием за женщиной помоложе, этакое самсоновское обрушение матримониального храма. Но теперь он был парализован стыдом, размерами своего унижения. Хуже того, он изумлялся своей несвоевременной страсти к жене. Вожделение нападало вдруг, как желудочный спазм. Ему приходилось посидеть в одиночестве, пока оно не отпустит. Видимо, есть такая порода мужей, которых возбуждают мысли о том, что жена сейчас с другим. Такой мужчина мог бы попросить, чтобы его связали и с кляпом во рту посадили в шкаф в трех метрах от его лучшей половины, занятой этим делом. Или Биэрд обнаружил в себе наконец склонность к сексуальному мазохизму? Ни одна женщина не была еще так желанна, как эта жена, которой он вдруг не мог обладать. Он демонстративно отправился в Лиссабон, к старой подруге, но это были безрадостные три ночи. Ему нужна была жена, и он не осмеливался оттолкнуть ее угрозами, или криками, или яркой вспышкой безумства. Но и умолять было не в его характере. Он оцепенел, он был жалок, он не мог думать ни о чем другом. В первый раз, когда она оставила ему записку: «Сегодня ночую у Р. ц. ц. П», – отправился ли он к псевдотюдоровскому дому с запеленатой моторкой и горячей ванной на заднем дворике, чтобы размозжить хозяину голову его же разводным ключом? Нет, он пять часов в пальто смотрел телевизор, выпил две бутылки вина и пытался не думать. Не удалось.

Но ему только и оставалось, что думать. Когда другие жены узнавали о его романах, они гневались, холодно или слезливо, устраивали собеседования до рассвета, чтобы изложить свои мысли об обманутом доверии, потребовать развода и всего, что из него вытекало. А Патриция, наткнувшись на несколько электронных писем от Сюзанны Рубен, математика из Гумбольдтовского университета в Берлине, вопреки ожиданиям возликовала. В тот же день она перенесла свою одежду в гостевую спальню. Он был потрясен, когда раздвинул

дверцы гардероба и убедился в этом. Он понял сейчас, что эта шеренга шелковых и хлопчатобумажных платьев была роскошью и утешением, слепками ее, выстроившимися для его удовольствия. Их больше нет. Даже вешалок. В тот вечер за ужином она улыбалась, объясняя ему, что намерена тоже быть «свободной», и не прошло недели, как она завела роман. Что ему оставалось? Однажды за завтраком он стал извиняться, говорить, что эта случайная интрижка ничего не значит, давал ей широкие обещания, всерьез веря, что может их сдержать. Он никогда еще не был так близок к пресмыкательству. Она сказала, что ничего не имеет против его поступка. Она делает то же самое – тут она и назвала своего любовника, строителя со зловещим именем Родни Тарпин, который был чуть не на двадцать сантиметров выше и на двадцать лет моложе рогоносца и еще тогда, когда он смирно штукатурил и подтесывал у Биэрдов в доме, похвастался, что не читает ничего, кроме спортивного раздела бульварной газетенки.

Одним из первых симптомов горя у Биэрда была дисморфия[1 - Дисморфия – психическое расстройство, когда человек чрезмерно обеспокоен дефектами или особенностями своего телосложения. (Здесь и далее прим. перев.)] или, наоборот, внезапное излечение от дисморфии. Он наконец-то понял, что? собой представляет. Выходя из душа и мельком увидев в запотевшем высоком зеркале розовую коническую массу, он протер стекло, встал перед ним и уставился на себя изумленно. Какие механизмы самовнушения помогали ему столько лет пребывать в уверенности, что подобное выглядит соблазнительно? Эта дурацкая полоска растительности от уха до уха, подпирающая лысину, оладьи сала под мышками, невинные выпуклости утробы и зада. Когда-то он мог улучшить свою зеркальную персону, расправив плечи, выпрямившись и втянув живот. Теперь этот смальц сводил на нет его усилия. Как он мог удержать такую красивую женщину? Неужели он правда думал, что статуса для этого достаточно, что его Нобелевская премия привяжет Патрицию к брачной постели? Голый, он позорище, идиот, квашня. Он не в силах даже восемь раз отжаться. А Тарпин взбегает по лестнице в их спальню с пятидесятикилограммовым мешком цемента под мышкой. Пятьдесят? Это приблизительно вес Патриции.

Она держала его на дистанции убийственной веселостью. Это были добавочные оскорбления: ее напевные «здравствуй», утренние перечни домашних дел и ее вечерних отлучек, и все это ничего бы не значило, если бы он мог хоть немного ее презирать или намеревался отделаться от нее. Тогда они приступили бы к короткому, неприятному демонтажу пятилетнего бездетного брака. Конечно, она его наказывала, но когда он сказал об этом, она пожала плечами и ответила, что с таким же правом могла бы сказать то же самое о нем. Она просто

дожидалась повода, сказал он, а она засмеялась и сказала, что в таком случае она ему благодарна.

В помраченном своем состоянии он был убежден, что перед лицом потери нашел идеальную жену. Этим летом 2000 года она одевалась по-другому, дома выглядела по-другому – в обтягивающих линялых джинсах, вьетнамках, грубой розовой кофте поверх футболки, с коротко остриженными светлыми волосами и возбужденно потемневшими голубыми глазами. Она была худенькая, и теперь стала похожа на подростка. По магазинным пакетам с веревочными ручками и упаковочной бумаге, которые она оставляла на кухонном столе для его ознакомления, он заключил, что она покупает новое нижнее белье, чтобы снимал его Тарпин. В свои тридцать четыре года она сохранила молочный румянец двадцатилетней. Она его не дразнила, не изводила насмешками, не кокетничала с ним – это было бы хоть какое-то общение, – но неуклонно упражнялась в бодром безразличии, дабы его уничтожить.

Ему нужно было избавиться от нужды в ней, но желание не отступало. Он хотел ее хотеть. Однажды душной ночью, сбросив одеяло, он попробовал освободиться мастурбацией. Его беспокоило, что он не видит своих гениталий, если не подложит под голову двух подушек, и в фантазии его беспрестанно вмешивался Тарпин – словно бестолковый рабочий сцены, который влезает со стремянкой и ведром во время акта. Хоть один человек на планете, кроме него, пытался сейчас удовлетворить себя мыслями о жене, находящейся от него в десяти шагах? Этот вопрос отвлекал Биэрда от цели. И было слишком жарко.

Друзья говорили ему, что Патриция похожа на Мэрилин Монро, по крайней мере, в определенных ракурсах и при определенном освещении. Он с удовольствием принимал это престижное сравнение, но сам особого сходства не видел. Прежде. Теперь увидел. Она изменилась. Нижняя губа стала полнее; когда она опускала взгляд, это обещало неприятность; подстриженные волосы призывно, по-старомодному курчавились на затылке. Конечно, она была красивее, чем Монро, когда плыла по дому и саду в выходные дни белокурым, розовым и голубым облаком. На какую же подростковую цветовую гамму он стал падок – в его-то возрасте.

В июле ему исполнилось пятьдесят три; она, естественно, игнорировала его день рождения и будто бы вспомнила через три дня, весело, по теперешнему обыкновению. Подарила ему широченный галстук люминесцентного зеленого колера, сказав, что этот стиль «возрождают». Да, выходные были хуже всего.

Она входила в комнату, где он сидел, не для разговора, а, вероятно, для того, чтобы ее увидели, озиралась с легким удивлением и рассеянно удалялась. Она все оценивала заново, не только его. Он видел ее в конце сада под конским каштаном – она лежала с газетами на траве, в густой тени, дожидалась, когда начнется ее вечер. Тогда она уходила в гостевую комнату, чтобы принять душ, одеться, накраситься и надушиться. Словно читая его мысли, она жирно красила губы красной помадой. Возможно, Родни Тарпин приветствовал модель Монро – и Биэрд теперь был обязан разделять его вкусы.

Если он оставался дома, когда она уходила (он очень старался уезжать по делам вечерами), то не мог устоять перед желанием обогатить свою страсть и муку наблюдением за ней из окна наверху, за тем, как она выходит на вечерний воздух Белсайз-Парка, идет по садовой дорожке – и какой же изменой звучал теперь всегдашний несмазанный взвизг калитки, – садится в свою машину, маленький, шустрый черный безалаберно приемистый «пежо». Она с таким нетерпением давала газ, отъезжая от бордюра, что его douleur[2 - Боль скорбь (фр.)] удваивалась: он знал, что она знает про его наблюдательный пост. Затем ее отсутствие повисало в летних сумерках, как дым садового костра, – эротический заряд ненаблюдаемых частиц заставлял его застыть бесцельно на долгие минуты. Это не сумасшествие, твердил себе Биэрд, но понимал, что хватил его горький глоток, почувствовал его вкус.

Его поражало то, что он ни о чем другом не может думать. Читая книгу, выступая с докладом, он на самом деле думал о ней или о ней и Тарпине. Нехорошо было оставаться дома, когда она уезжала к любовнику, но после Лиссабона у него пропало желание видеться со старыми подругами. Вместо этого он прочел цикл вечерних лекций по квантовой теории поля в Национальном географическом обществе, участвовал в дискуссиях на радио и телевидении и эпизодически подменял заболевших коллег. Пусть философы науки морочат себя сколько угодно, физика свободна от человеческих наносов, она описывает мир, который все равно бы существовал, если б мужчины, и женщины, и горести их исчезли. В этом убеждении он был солидарен с Эйнштейном.

Но, даже ужиная допоздна с друзьями, он возвращался домой обычно раньше нее и, хотел того или нет, вынужден был ждать ее возвращения, притом что оно ничего не меняло. Она шла прямо в свою комнату, а он оставался в своей, не желая встретиться с ней в ее сонном посткоитальном состоянии. Даже лучше, наверное, было, когда она оставалась ночевать у Тарпина. Может быть, и лучше,

но стоило ему бессонной ночи.

Однажды в два часа ночи, в конце июля, он лежал в халате, слушал радио и, услышав, как она вошла, тут же, без предварительного плана, разыграл сцену для того, чтобы вызвать ее ревность, лишить ее уверенности, чтобы она захотела вернуться к нему. По Всемирной службе Би-би-си женщина рассказывала о деревенских обычаях турецких курдов – убаюкивающий бубнеж о жестокостях, несправедливостях, нелепостях. Уменьшив громкость, но не снимая пальцев с регулятора, Биэрд произнес нараспев отрывок из детского стишка. Он рассчитал, что она в своей комнате услышит его голос, но не расслышит слов. Закончив фразу, он на несколько секунд сделал громче женский голос, потом прервал его отрывком из своей сегодняшней вечерней лекции, после чего дал женщине высказаться подольше. Он проделывал это минут пять: его голос, затем женский, иногда искусно накладывая один на другой. Дом безмолвствовал и, конечно, слушал. Он пошел в ванную, открыл кран, спустил воду в унитазе и громко засмеялся. Патриция должна понять, что любовница у него с юмором. Потом он негромко, радостно ухнул. Патриция должна понять, что ему весело.

В ту ночь он спал мало. В четыре, после долгого молчания, знаменовавшего безмятежную близость, он открыл дверь своей спальни и с оживленным шепотком стал спускаться задом по лестнице, согнувшись и отшлепывая ладонями по ступеням шаги своей спутницы вперебивку с собственными. Это был по-своему логичный план, который мог прийти в голову только сумасшедшему. Проводив подругу до передней, с неслышными поцелуями попрощавшись и захлопнув входную дверь так, что звук разнесся по всему дому, он поднялся к себе и после шести погрузился наконец в дрему, тихо приговаривая: «Судите меня по моим результатам». Поднялся он через час, чтобы наверняка столкнуться с Патрицией перед ее уходом на работу и показать ей, как он вдруг повеселел.

В дверях она остановилась с ключами от машины в руке и набитой книгами сумкой, лямка которой врезалась в плечо ее цветастой блузки. Никаких сомнений: вид у нее был расстроенный, изнуренный, хотя голос звучал, как всегда, бодро. Она сказала ему, что приглашает сегодня Родни на ужин, возможно, он останется на ночь, и она будет признательна Майклу, если он не будет появляться на кухне.

В этот день ему надо было ехать в Центр, в Рединг. Обалделый от усталости, он смотрел в грязное окно вагона на лондонские пригороды с их удивительным сочетанием хаоса и унылости и проклинал себя за дурацкую затею. Его очередь прислушиваться к голосам за стеной? Немыслимо – он где-нибудь заночует. Выгнан из собственного дома любовником жены? Немыслимо – он останется и встретится с ним лицом к лицу. Драться с Тарпином? Немыслимо – его втопчут в паркет передней. Ясно было, что он не в том состоянии, чтобы принимать решения и строить планы, и с этой минуты он должен учитывать ненадежное состояние своей психики, действовать консервативно, пассивно, честно, не нарушать правил, избегать крайностей.

В последующие месяцы он нарушил каждый пункт своего решения, но оно забылось уже к вечеру, потому что Патриция приехала с работы без продуктов (в холодильнике было пусто) и строитель на ужин не явился. В этот вечер он увидел ее только раз, когда она шла по передней с кружкой чая, понурая и серая, не столько кинодива, сколько усталая учительница начальной школы, чья личная жизнь дала трещину. Может быть, зря корил он себя в поезде, и план его удался, и она от огорчения отменила ужин?

Он размышлял о прошлой ночи и удивлялся тому, что после стольких настоящих измен ночь с воображаемой любовницей оказалась ничуть не менее волнующей. Впервые за эти недели он немного повеселел и даже насвистывал эстрадную песню, разогревая в микроволновке ужин. А в прихожей, увидев себя в зеркале с золотой рамой, подумал, что лицо его чуть похудело, выглядит значительным и появился даже намек на скулы. При свете тридцативаттной лампочки в нем проступило нечто благородное – возможно, сказался сладкий антихолестериновый йогурт, который он заставлял себя пить по утрам. В постели он не включил радио, притушил свет и лежал, дожидаясь покаянного стука ноготков в дверь.

Стука не последовало, но он не обеспокоился. Пусть проведет бессонную ночь, пересматривая свою жизнь и что в ней было существенно, пусть взвесит на весах человеческой ценности мозолистого Тарпина с его запеленатой моторкой и всемирно известного, одухотворенного Биэрда. Следующие пять вечеров, насколько он мог судить, она оставалась дома, у него же была лекция, другие встречи и ужины, и, приезжая домой, обычно после двенадцати, он надеялся, что его уверенные шаги в темном доме прозвучат так, будто он возвращается со свидания.

Шестой вечер у него был свободен, он остался дома, и тогда ушла она, потратив больше обычного времени в душе и с феном. Со своего места на промежуточной лестничной площадке перед вторым этажом из утопленного маленького окна он наблюдал, как она проходит по садовой дорожке, задерживается у кустов алых роз, задерживается так, как будто ей неохота уходить, протягивает руку, чтобы осмотреть цветок. Она сорвала его двумя пальцами с только что накрашенными ногтями, подержала, рассматривая, и уронила под ноги. Летнее платье, бежевое, без рукавов, с одной складкой на пояснице, было новым, и он не знал, как истолковать этот знак. Она пошла к калитке; ему показалось, что шагает она сегодня тяжелее, что нетерпения в походке меньше обычного и «пежо» взял с места не так резво.

Однако ночью он дожидался ее приезда в менее приподнятом настроении, он сомневался в своих расчетах и думал уже, что, кажется, был прав – проделка с радио сыграла против него. Чтобы лучше думалось, он налил виски и стал смотреть футбол. Вместо ужина съел ванночку клубничного мороженого и расшелушил полкилограмма фисташек. Спокойствия не было, тревожило безадресное вожделение, и он пришел к выводу, что стоит, пожалуй, завести новый роман или возобновить какой-нибудь старый. Он листал свою телефонную книжку, долго смотрел на телефон, но трубку так и не снял.

Он выпил полбутылки, около одиннадцати уснул на кровати одетый, не выключив верхний свет, и несколько секунд не мог понять, где находится, а потом вдруг ночью его разбудил голос внизу. Часы на тумбочке показывали половину третьего. Внизу Патриция разговаривала с Тарпином, и у Биэрда под бодрящим действием выпитого возникло желание объясниться. Он стоял посреди комнаты и, пошатываясь, заправлял рубашку в брюки. Потом тихо открыл дверь. Свет горел во всем доме, и это было кстати; он стал спускаться по лестнице, не задумываясь о последствиях. Патриция еще разговаривала, и по пути через переднюю к открытой двери гостиной у него создалось впечатление, что она смеется или поет и сейчас он нарушит их маленький праздник.

Но она была одна и плакала, сидела, согнувшись, на диване, а на длинном стеклянном журнальном столике лежали, повалившись набок, ее туфли. Звук был непривычный – задавленный и горестный. Если она когда-нибудь и плакала так из-за него, то в его отсутствие. Он остановился в дверях, и она увидела его не сразу. На нее было больно смотреть. В руке – скомканный платок или салфетка, хрупкие плечи согнуты и вздрагивают – Биэрда охватила жалость. Он понял, что час примирения настал, достаточно только нежного прикосновения,

ласковых слов и никаких вопросов, и она припадет к нему, и он заберет ее наверх, хотя даже в этом приливе теплых чувств он сознавал, что отнести ее туда не сможет, даже на обеих руках.

Когда он шагнул в комнату, под ним скрипнула половица, и Патриция подняла голову. Глаза их встретились, но всего на секунду, потому что она поспешно закрыла лицо руками и отвернулась. Он произнес ее имя, а она помотала головой. Потом неловко, спиной к нему, поднялась с дивана и, двигаясь почти боком, споткнулась о шкуру белого медведя, вечно скользившую по вощеному полу. Однажды он сам чуть не сломал из-за нее лодыжку и с тех пор терпеть ее не мог. Ему не нравилась и оскаленная пасть с пожелтелыми от долгого пребывания на свету зубами. Они так и не потрудились закрепить ее каким-нибудь образом на полу, а о том, чтобы выбросить, не могло быть и речи – это был свадебный подарок ее отца. Патриция удержалась на ногах, схватила со стола туфли и, прикрыв свободной рукой глаза, торопливо прошла мимо него; он хотел тронуть ее за плечо, но она отпрянула и снова заплакала, уже в голос, и побежала наверх.

Он погасил в комнате свет и лег на диван. Бессмысленно идти за ней, раз она его не хочет – но теперь это не имело значения, потому что он видел. Она не успела закрыть ладонью синяк под правым глазом, стекавший на скулу, черный с красной оторочкой, набухший под нижним веком, так что глаз закрылся. Он громко вздохнул, покорившись судьбе. Выбора не было, долг требовал, чтобы он сел сейчас в машину, поехал в Криклвуд и жал на звонок, пока не поднимет Тарпина с постели, и там, прямо под четырехгранным фонарем, он ошеломит отвратного соперника своей быстротой и натиском. Сузив глаза, он продумывал это снова и снова, задерживаясь на том, как хрустнет носовой хрящ под его правым кулаком, а потом, с незначительными поправками, разыгрывал эту сцену с закрытыми глазами и не пошевелился до утра, когда был разбужен стуком захлопнутой двери – это Патриция уезжала на работу.

Он занимал почетный университетский пост в Женеве, но там не преподавал; его имя и титул, профессор Биэрд, лауреат Нобелевской премии, значились на бланках, в научных организациях, фигурировали в международных «инициативах», в Королевской комиссии по финансированию науки, популярным языком он рассказывал по радио об Эйнштейне, фотонах и квантовой механике, помогал составлять заявки на гранты, был редактором-консультантом в трех научных журналах, рецензировал работы коллег, интересовался сплетнями,

политикой науки, карьерными новостями, расстановкой сил, распределением фондов, устрашающим национализмом, выбиванием колоссальных сумм у невежественных министров и чиновников на очередной ускоритель или аренду приборного пространства в очередном спутнике, присутствовал на гигантских конференциях в США – одиннадцать тысяч физиков в одном месте! – выслушивал доклады пост-докторантов об их исследованиях, читал с минимальными вариациями циклы лекций о математическом аппарате, использованном в Сопряжении Биэрда – Эйнштейна, принесшем ему Нобелевскую премию, сам присуждал премии и медали, принимал почетные степени, произносил послеобеденные речи и панегирики выходящим на пенсию или ожидающим кремации коллегам. В закрытом, специализированном мире он благодаря Стокгольму был знаменитостью и катился по инерции из года в год, слегка уставший от себя, лишенный альтернатив. Все волнующее и непредсказуемое осталось только в личной жизни. Возможно, большего и не требовалось, возможно, он достиг всего, чего мог достигнуть, за то единственное ослепительное лето в молодости. Одно было несомненно: двадцать лет прошло с тех пор, когда он последний раз сидел в тишине и одиночестве с карандашом и блокнотом и часами думал, нянчил оригинальную гипотезу, крутил ее, подманивал к жизни. С тех пор не представлялось случая… нет, это слабое оправдание. У него не было воли, не было материала, искры не было. У него не было новых идей.

Но было новое государственное исследовательское учреждение на окраине Рединга, вплотную к шумному восточному шоссе и в подветренной стороне от пивного завода. Центр замышлялся как аналог Национальной лаборатории возобновляемых источников энергии в Голдене, Колорадо, недалеко от Денвера – с такими же задачами, пусть не такими площадями и фондами. Майкл Биэрд был первым главой нового центра, хотя реально занимался работой ответственный чиновник Джок Брейби. Административные здания, часть перегородок в которых содержала асбест, не были новыми; не были новыми и лаборатории, созданные в свое время для исследования вредных стройматериалов. Новым был только трехметровой высоты забор из колючей проволоки с бетонными столбами и размещенными на равных расстояниях знаками «Вход воспрещен», построенный вокруг Национального центра возобновляемых источников энергии без согласования с Биэрдом или Брейби. Как они вскоре выяснили, забор съел семнадцать процентов бюджета первого года. У местного фермера было куплено десять гектаров сырого, заболоченного поля, и уже начались проектные работы по дренажу.

Биэрд не вполне скептически относился к глобальному потеплению. Это была одна из постоянного перечня проблем или надвигающихся горестей, составлявших фон новостных сообщений. Он читал об этом со смутным осуждением и полагал, что правительства должны объединиться и предпринять какие-то действия. Он знал, разумеется, что молекула двуокиси углерода поглощает энергию в инфракрасном диапазоне и что человечество выпускает эти молекулы в атмосферу в нарастающих количествах. Но ему и без того было над чем подумать. Его мало трогали панические пророчества, что Земля «в опасности», что человечество катится к катастрофе, когда прибрежные города скроются под водой, урожаев не будет и сотни миллионов беженцев, гонимые засухой, наводнениями, голодом, бурями, нескончаемыми войнами за скудеющие ресурсы, хлынут с континента на континент. В этих предостережениях слышалось нечто ветхозаветное, мотив нашествия жаб и язвенной напасти, знаменовавший глубинную и вечную потребность, проявлявшуюся из века в век, – потребность верить, что ты живешь в конце времен, что твоя личная гибель связана с гибелью мира и поэтому в ней больше смысла или уместности. Конец света никогда не назначался на сегодня, где и показал бы себя фантазией, а всегда на близкое завтра; завтра он не наступал, и тогда возникала новая тема, новая дата. Старый мир очистится пламенем войн и отмоется кровью неспасенных – так это было с христианскими миллениаристскими сектами: смерть неверным! И у советских коммунистов – смерть кулакам! И у нацистов с их фантазией о тысячелетнем рейхе – смерть евреям! А теперь истинно демократический современный эквивалент, ядерная война – смерть всем! Войны не случилось, и после того, как советскую империю сожрали внутренние противоречия и не осталось других всеомрачающих проблем, кроме надоевшей неукротимой глобальной бедности, апокалипсическое мышление вызвало к жизни очередного зверя.

Но Биэрд всегда присматривал себе официальную роль с прилагающимся жалованьем. Пара долговременных синекур недавно закрылись, его университетская зарплата, гонорары за лекции и выступления по радио и телевидению оставляли желать большего. К счастью, в конце века правительство Блэра пожелало или возвестило о своем желании практически, а не только риторически озаботиться проблемой изменения климата и объявило о некоторых инициативах, в том числе – о создании Центра для фундаментальных исследований во главе со смертным, увенчанным стокгольмскими лаврами. На политическом уровне был назначен новый министр, честолюбивый манчестерец с популистским флером, гордящийся индустриальным прошлым своего города. На пресс-конференции он заявил, что «обратится к гению» британского народа, предложив людям присылать свои идеи и чертежи, касающиеся использования

чистой энергии. Он пообещал перед камерами, что каждое предложение будет изучено. За полтора месяца команда Брейби – полдюжины плохо оплачиваемых молодых физиков со степенью, размещенных в четырех временных домиках посреди моря грязи, – получила сотни проектов. По большей части – от одиноких людей, проектирующих в садовом сарае, и несколько – от новорожденных компаний с затейливыми логотипами и патентами «на стадии оформления».

Зимой 1999 года во время своих еженедельных визитов в Центр Биэрд просматривал кипы проектов, рассортированных на импровизированном столе. В этой лавине грез ясно обозначались сквозные мотивы. В некоторых проектах в качестве автомобильного топлива использовалась вода, а выхлоп – водяной пар – утилизировался и поступал обратно в двигатель. В некоторых проектах электромотор или генератор давали больше энергии, чем потребляли, черпая энергию вакуума, якобы найденную в космосе, или, насколько понял Биэрд, за счет нарушения закона Ленца. Все это были варианты вечного двигателя. Изобретатели-самоучки, по-видимому, не знали долгой истории своих устройств и того, что если бы они работали, то разрушили бы физику до основания. Изобретатели страны сражались с первым и вторым законами термодинамики – с глухой свинцовой стеной. Один из сотрудников предложил сортировать проекты в соответствии с тем, какой закон они нарушают – первый, второй или оба сразу.

Была еще одна общая тема. Некоторые конверты не содержали чертежей, а только письма, иногда на полстраницы, иногда на десять. Автор с сожалением объяснял, что он – это всегда был он – решил не прилагать детальный план, поскольку хорошо известно, что правительственные организации боятся такого рода бесплатной энергии, которую будет производить его машина, ибо это перекроет важные источники налоговых поступлений. Или же военные ухватятся за его идею, засекретят ее и употребят для своих нужд. Или поставщики обычной энергии пошлют бандитов, чтобы избить изобретателя до полусмерти и тем сохранить свое господство в бизнесе. Или кто-то украдет идею и заработает на этом состояние. Такие печальные случаи известны, иногда добавлял автор. Посему с чертежами может ознакомиться по определенному адресу сотрудник Центра, прибывший единолично, – и только с привлечением посредников.

Стол в «Хижине два» представлял собой пять досок, положенных на козлы, и нес на себе тысячу шестьсот писем и распечаток электронной почты, рассортированных по датам. Чтобы не подвести министра, на все надлежало ответить. Брейби, сутулый мужчина с большой челюстью, был возмущен

напрасной тратой времени. Возмущен, но покорился. Биэрд предлагал пересылать письма в аппарат министра в Лондоне, присовокупив несколько типовых ответов. Но Брейби полагал, что стоит в очереди на рыцарское звание, миссис Брейби очень хотела звания, а недовольство министра, известного близостью к премьеру, чревато потерей места в очереди. Так что молодых физиков усадили за работу, а первый проект Центра – ветряной генератор для городских крыш – был отложен на несколько месяцев.

Тем больше возможностей для Биэрда в полунемом эндшпиле его пятого брака отвлечься на изучение «гениев», как их прозвали между собой физики. Его привлекал душок одержимости, паранойи, бессонницы, исходивший от этих кип. И главное, они навевали грусть. Ему пришло в голову, что в каких-то письмах он встречает себе подобных, двойников Майкла Биэрда, только из-за пьянства, секса, наркотиков или просто невезения не изучивших систематически физику и математику. Необразованных, но думающих. Некоторые из них были в самом деле умны, но непомерные амбиции побуждали их изобретать колесо, а потом, через сто двадцать лет после Николы Теслы, – индукционный мотор, потом читать, не понимая и с неоправданной надеждой, о квантовой теории поля, чтобы найти эзотерическое топливо прямо у себя под носом, в вакууме, в пустом воздухе своих сараев или свободных спален – свою нулевую энергию.

Квантовая механика. Какое хранилище, свалка человеческих порывов, пограничье, где суровая математика отменяет здравый смысл и необъяснимым образом сплавляются рассудок и фантазия. Здесь мистик мог бы найти все, что ему требуется, и в доказательство своих идей привести науку. И какой дивной, призрачной музыкой в часы досуга должна она быть для этих изобретательных умов – спектральная асимметрия, резонансы, нелокальные взаимодействия, квантовые гармонические осцилляторы – обманчивыми древними напевами, гармонией сфер, способной превратить свинцовую стену в золото и создать двигатель, который будет работать фактически ни на чем, на виртуальных частицах, не будет испускать ничего вредного, снабдит энергией человечество и спасет его. Биэрда трогали чаяния этих одиноких людей. А почему он решил, что они одиноки? Думать так заставляла его не снисходительность или не только она. Они знали недостаточно, но знали слишком много, чтобы найти собеседника. Какой приятель из паба или Британского легиона, какая жена, задерганная работой, детьми и домашним хозяйством, последует за ними по кротовым норам, червоточинам пространственно-временного континуума, кратчайшим путем к единственному и окончательному решению планетарной энергетической проблемы?

По примеру американского Бюро патентов Биэрд разработал стандартную отписку, где говорилось, что ко всем проектам вечного двигателя и машин с КПД больше ста процентов должна прилагаться действующая модель. Но ни одной не прислали. Помня о своей перспективе, Брейби надзирал за физиками, разгребавшими вороха проектов. На каждое предложение надо было ответить конкретно, серьезно, вежливо. Но на досках не лежало ничего нового, вернее, полезного нового. Изобретатель-революционер, изобретатель-одиночка был фантазией поп-культуры – и министра.

Неспешно, вяло Центр обретал форму. По земле проложили дощатые настилы – большой прогресс, затем землю разровняли, засеяли газоном, летом здесь уже были лужайки и дорожки, и со временем Центр стал выглядеть так же, как все остальные скучные институты на свете. Лаборатории были переоборудованы, и времянки наконец увезены. Прилегающее поле осушили, вырыли котлованы под фундаменты, и началось строительство. Набрали новых работников: сторожей, уборщиц, администраторов, монтеров, даже ученых и группу кадровиков для поиска таких людей. Когда была достигнута критическая масса, открыли столовую. В опрятном кирпичном домике рядом со шлагбаумом в белую и красную полоску разместился десяток с лишним охранников в темно-синей форме; они были приветливы друг с другом, строги почти со всеми остальными и, по-видимому, считали, что Центр, по сути, принадлежит им, а все остальные – пришельцы.

За это время ни один из шести молодых физиков не перешел на лучше оплачиваемую работу в Калифорнийском или Массачусетском технологических институтах. В этой области, изобилующей талантами, их образованность и достижения были исключительными. Биэрд, плохо запоминавший лица, особенно мужские, долго не мог или не старался их различать. Все они были в возрасте от двадцати шести до двадцати восьми лет и за метр восемьдесят ростом. У двоих были хвостики, у четверых очки без оправы, двоих звали Майками, у двоих – шотландский акцент, у троих – цветные шнурки на запястьях, все носили линялые джинсы, кроссовки и спортивные фуфайки. Лучше всего обходиться с ними одинаково, чуть отстраненно, или как если бы они были одним человеком. Лучше не оскорблять одного Майка, возобновляя беседу, возможно начатую с другим, и не предполагать, что парень с шотландским акцентом, хвостиком, в очках и без шнурка на запястье – только один такой и зовется не Майком. Даже Джок Брейби именовал всех шестерых «хвостами».

И ни один из этих молодых людей, по-видимому, не испытывал благоговения перед Майклом Биэрдом, нобелевским лауреатом, как им полагалось бы, на его взгляд. Они, конечно, знали о его работе, но на заседаниях упоминали о ней вскользь, мимоходом, проборматывая, как будто она давно была превзойдена – что отнюдь не соответствовало действительности. Сопряжение Биэрда – Эйнштейна, неопровержимое, подтвержденное экспериментально, входило во все учебники. Когда «хвосты» были дипломниками, им, несомненно, демонстрировали «Фейнмановский плед», иллюстрирующий топологическую суть работы Биэрда. Но в неформальных дискуссиях в столовой эти дети-великаны превращались в первопроходцев теоретической физики, разговаривали, минуя Сопряжение, словно это была какая-то покрытая пылью формулировка сэра Гемфри Дэви, роняя что-то односложное о БЛГ, а потом о какой-нибудь тонкости М-теории или 3-алгебре Намбу-Ли, как будто это не было переменой темы. И тут была неприятность. Очень часто он не понимал, что они говорят. «Хвосты» разговаривали с постоянно повышающейся вопросительной интонацией, из-за которой в горле у Биэрда напрягался какой-то неведомый мускул. Они ничего отчетливо не формулировали, глотали слова, мысль излагали только до тех пор, пока кто-нибудь из остальных не буркнет: «Правильно!» – после чего перескакивали к следующему высказыванию, которое даже трудно назвать фразой.

Хуже того. Физика, о которой они говорили, была ему отчасти незнакома. Дома он читал об этом, и его раздражала длина и сложность выкладок. Ему нравилось думать, что все это он знает вдоль и поперек, что в теории струн и главных ее вариантах он вполне ориентируется. Но оказалось, что в последнее время было много добавлений и модификаций. Когда ему было двенадцать лет, их школьный учитель математики сказал: если на экзамене вы получили в ответе одиннадцать девятнадцатых или тринадцать двадцать седьмых, знайте, что ответ неправильный. Слишком корявый для правильного. По два часа морща лоб, так что утром еще видны были на нем розовые линии, он читал о новейших результатах, о Баггере, Ламберте и Густафссоне – ну конечно! БЛГ, оказалось, не сэндвич, и их описание совпадающих М2-бран через лагранжиан – тоже не конфета. Играет Бог в кости или не играет, он наверняка не так заумен или не станет так пускать пыль в глаза. Материальный мир не может быть таким сложным.

А домашний – мог. В череде распавшихся брачных уз ни один распад не затягивался так глупо и надолго – из-за него, Биэрда, – ни один не принижал его

так, не порождал таких нелепых грез, прибавления в весе и тайных безрассудств, как этот пятый и последний. За эти долгие месяцы не было часа, когда он ощущал бы себя вполне самим собой, а кроме того, он скоро забыл этого себя и погрузился в состояние вялого длящегося психоза. Как-никак он слышал голоса и видел элементы в ситуации – например, внезапную сияющую красоту Патриции, – которых, как он решил впоследствии, не существовало. Соматические проявления развивались прямо по учебнику. Одно за другим, легкие заболевания обманывали его иммунную систему, которая должна была бы его защитить. Орды патогенных микроорганизмов переплывали крепостной ров, лезли на стены замка, неся лихорадки на губах, язвочки во рту, усталость, боль в суставах, жидкий стул, прыщи на носу, блефарит – этот был новостью, воспаление век, разрешавшееся белоголовыми фудзиямами ячменей, которые давили на глазное яблоко, мешая видеть. Бессонница и монома тоже искажали зрение, и на грани сна, когда сон все-таки приходил, Биэрд слышал голос телевизионного диктора, напоминавший ему о его печальном состоянии, но не в словах, которые можно было бы расслышать. Помимо этого его мучило обыкновенное отчаяние рогоносца: жена, несмотря на бледнеющий синяк под глазом, все так же ходила по дому победительницей, с наигранной веселостью и уклонялась от любого серьезного разговора. Рот, как известно, с особой обстоятельностью представлен в мозгу, и крохотная язвочка посредине нижней губы ощущалась как жуткий рубец, знак его судьбы. Разве может Патриция поцеловать его когда-нибудь? Ее невозможно втянуть в отношения, в спор, невозможно обвинить, она не желает, чтобы ее любили – чтобы он любил.

Да, да, он был лжец и бабник, этого и надо было ожидать, но теперь, когда дождался, что ему делать кроме того, что нести наказание? Какому богу приносить извинения? Хватит с него. Он долго и мрачно нянчил глупые надежды, а потом стал просматривать почту и электронную почту на предмет приглашения, которое уведет его подальше от Белсайз-Парка и вдохнет какую-то независимую жизнь в его печальный остов. Приходило их весь год по полдюжины в неделю. Но ничто не привлекало его среди увещеваний читать лекции на берегу плутократического озера в Северной Италии или в неинтересном немецком шлоссе[3 - Schloss (нем.) – замок.], а чтобы обсуждать Сопряжение с сотнями коллег на конференциях в Нью-Дели или Лос-Анджелесе, он чувствовал себя слишком слабым и уязвимым. Он не знал, чего ему хочется, но думал, что поймет, когда оно подвернется.

А пока что успокоение приносили только еженедельные поездки в грязноватом поезде с Паддингтонгского вокзала в Рединг, где на викторианской станции, затесавшейся среди приземистых многоквартирных башен, его встречал один из

неразличимых «хвостов» и вез за несколько километров на предсерийной модели «приуса»[4 - Гибридный автомобиль компании «Тойота».] в Центр. Покидая дом, Биэрд был напряженной вибрирующей однотонной струной, но по мере того, как он удалялся от дома и приближался к дорогостоящей ограде, колебания ее затухали. Они прекращались совсем, когда он поднятым указательным пальцем отвечал на дружеское приветствие охранника – как они обожают supremo![5 - Высшего (ит.).] – и проезжал под красно-белым шлагбаумом. Брейби обычно выходил его встречать и с легчайшим оттенком иронии церемонно открывал дверь машины, ибо приехал не рогоносец, а важный визитер, Шеф, который будет говорить от имени Центра с прессой, побуждать энергетические компании к сотрудничеству и вытягивать из экспансивного министра очередные четверть миллиона.

Сначала они вдвоем пили кофе. Брейби рассказывал об успехах и задержках, Биэрд записывал, что от него требовалось, а потом совершал обход. Еще в самом начале он, не подумав как следует, сказал, что будет легче добывать финансирование, если он от лица Центра предложит один броский проект, понятный и налогоплательщику, и журналистам. И началась разработка ИВУ – Индивидуальной Ветряной Установки, турбины, которую хозяин дома мог установить на крыше и благодаря этому существенно сэкономить на счетах за электричество. На городских крышах, в отличие от высоких ветряков на открытой местности, направление ветра переменчиво, поэтому физикам и инженерам предстояло найти оптимальную конфигурацию лопастей для условий турбулентности. Биэрд договорился со старым приятелем в Королевском авиационном центре в Фарнборо, что им дадут воспользоваться аэродинамической трубой, но прежде надо было выполнить сложные аэродинамические расчеты, связанные с каким-то подразделом теории хаоса, в которые он не очень хотел вдаваться. Техникой он интересовался еще меньше, чем климатологией. В его представлении дело сводилось к тому, чтобы произвести расчеты, изготовить три-четыре опытные модели и продуть их в трубе. Но пришлось набирать новых сотрудников: по ходу дела возникали одна за другой новые проблемы – вибрация, шум, стоимость, высота, сдвиг ветра, гироскопический эффект, циклическая нагрузка, прочность крыши, материалы, приводной механизм, эффективность, синхронизация с сетью, согласование с архитектурным надзором. То, что казалось удачной находкой, превратилось в монстра, пожиравшего умственные и финансовые ресурсы недостроенного Центра. А давать задний ход было поздно.

Биэрд предпочитал обходить Центр в одиночку и виновато наблюдал последствия своего непродуманного предложения. К началу лета 2000 года у

каждого физика появился свой кабинетик. Разделение на группы, а также таблички на дверях облегчили жизнь, после семи или восьми месяцев каждый из молодых людей стал приобретать индивидуальные очертания, но Биэрд приписал это собственной восприимчивости. В шестой или седьмой поездке с редингской станции в Центр, оторвавшись от текста речи, с которой ему предстояло выступить вечером в Оксфорде, он сообразил, что, конечно, подвозил его каждый раз один и тот же водитель. Один из тех двоих, кто в самом деле ходил с хвостиком, – высокий парень с худым лицом, чрезмерным количеством крупных зубов во рту и дурацкой улыбкой. Как выяснилось в этом первом индивидуализированном разговоре, происходил он из окрестностей Суоффхема в Норфолке, учился в Империал-колледже, потом в Кембридже, потом два года в Калифорнийском технологическом в Пасадине, и ни одно из этих легендарных мест не изменило мелодики его деревенского выговора, падений, перебивок и настойчивых повышений интонации, которые ассоциировались у Биэрда с живыми изгородями и стогами. Звали его Том Олдос. В этом первом лицеприятном разговоре он сообщил Шефу, что захотел работать в Центре потому, что планета в опасности и его подготовка в области физики частиц может оказаться кстати. А узнав, что возглавлять работы будет сам Биэрд, автор Сопряжения Биэрда – Эйнштейна, он, Том Олдос, обрадовался: можно было надеяться, что Центр в первую очередь займется солнечной энергией и тем, что он назвал наносолярным подходом, в будущее которого он твердо верит…

– Солнечной энергией? – вежливо повторил Биэрд.

Он прекрасно знал, о чем идет речь. Но само словосочетание было окружено сомнительным ореолом, и на ум приходили друиды нового извода, пляшущие в балахонах вокруг Стоунхенджа в сумерках Иванова дня. Кроме того, он не доверял людям, ритуально употреблявшим слово «планета» в доказательство того, что мыслят масштабно.

– Да! – В зеркале заднего вида возникла многозубая улыбка Олдоса. Ему и в голову не пришло бы, что Биэрд может быть неспециалистом в этой области. – Она вот она, ждет, когда мы научимся ее использовать. А когда научимся, сами изумимся тому, что придумали жечь уголь, нефть и усё такое…

Биэрда заинтриговало это «усё». Оно прозвучало насмешкой над тем, что молодой человек хотел выразить. Они ехали по четырехполосной кольцевой дороге с цветущим боярышником на разделительном газоне, напрасно

предлагавшим свой аромат торопливому транспорту. Прошлой ночью, не надеясь уснуть, он лежал в халате и читал, а она всю ночь отсутствовала. Читал он неопубликованные письма Поля Дирака разным коллегам – письма человека, полностью захваченного наукой, чуждого болтовни и всяческих мирских условностей. Без четверти семь Биэрд отложил пачку машинописных листов и пошел в ванную бриться. Солнечный свет уже пронизывал крону березы в саду и пятнал мраморный пол у него под ногами. Какое расточительство и бесхозяйственность – так высоко подниматься солнцу в такую рань. Убирая бритвой кустик волосков между бровей, чтобы выглядеть моложе, Биэрд думал: страшно сосчитать, сколько световых часов было упущено каждым летом. Но что он мог сделать, что вообще делать молодому человеку в семь утра в любое время года? Спать или идти на работу. Он недосыпал уже много недель.

– Вы думаете, мы когда-нибудь сможем обойтись без угля, без нефти и газа? – спросил он, подавляя зевок.

Олдос гнал по развязке, огромной, как ипподром; она центробежно выбросила их на съезд и дальше на шоссе, в удвоенный грохот встречного транспорта, фур размером в пять домов с террасами, мчащихся со скоростью сто десять километров в час в сторону Бристоля, и очереди машин, норовящих их обогнать. Вот именно – сколько еще это может продолжаться? Биэрд, слабый и нервный от бессонницы, чувствовал себя маленьким. Автострада М4 демонстрировала страсть к существованию, которой он не мог соответствовать. Он был за проселок, за гужевую дорогу, за тропинку. Съежившись в твидовом пиджаке, он слушал Тома Олдоса, а тот рассуждал с веселой уверенностью отличника, знающего, что хочет услышать от него учитель.

– Уголь и нефть создали нас, но теперь нам понятно: сжигая их, мы себя погубим. Нам нужно другое топливо, иначе конец, крышка. Речь идет о новой промышленной революции. Без нее не обойтись, будущее – за электричеством и водородом, только эти два энергоносителя из нам известных не загрязняют среду на месте потребления.

– Значит, больше атомных станций.

Парень отвлекся от дороги, чтобы встретить взгляд Биэрда в зеркальце, – но слишком надолго, и старший, напрягшись на заднем сиденье, отвел взгляд, чтобы водитель сосредоточился на чертовщине впереди.

– Грязные, опасные, дорогие. А вообще-то у нас уже работает атомная станция, она давно и без сбоев производит бесплатную чистую энергию, превращая водород в гелий, и удачно расположена в ста пятидесяти миллионах километров отсюда. Знаете, что я думаю, профессор? Если бы на землю прилетел инопланетянин и увидел, сколько у нас солнечного света, он удивился бы тому, что мы озабочены энергетической проблемой. Фотоэлектричество. Я читал о нем у Эйнштейна, читал у вас. Сопряжение – это блеск. И лучший дар Бога нам, конечно, – это фотон, вышибающий из полупроводника электрон. Законы физики такие щедрые, такие милостивые. Смотрите. Человек в лесу, идет дождь, а он умирает от жажды. У него топор, и он рубит деревья, чтобы пить сок. Одно дерево – один глоток. Вокруг пустоши, ни одного живого существа, и он понимает, что скоро сведет весь лес. Так почему он не откроет рот и не попьет дождь? Потому что он мастерски валит лес, он всегда этим занимался, а людей, которые предлагают пить дождь, считает чудаками. Дождь – это наш солнечный свет, профессор Биэрд. Он омывает нашу планету, рождает ее климат и жизнь на ней. Чистый дождь фотонов, и нам надо только подставить чашки! Знаете, я у кого-то прочел, что час облучения Земли солнечным светом обеспечил бы годовые потребности человечества.

На Биэрда это не произвело впечатления.

– Какую он взял меру энергетической освещенности?

– Четверть солнечной постоянной.

– Слишком оптимистично. От этого надо взять еще половину.

– Но суть не меняется, профессор. Солнечные панели на маленьком участке мировых пустынь обеспечат всю энергию, которая нам нужна.

Буколические интонации норфолкского парня, так не вязавшиеся с содержанием речи, начинали действовать на расшатанные нервы Биэрда. Он хмуро возразил:

– Если сможете ее доставить.

– Да! Новые линии постоянного тока! Вопрос только денег и усилий. Планета того стоит. И наше будущее, профессор!

Биэрд схватил листки со своей речью, показывая, что разговор окончен.

В основе фантазии было, во-первых, убеждение, что все мировые проблемы можно свести к одной и решить. И во-вторых – что надо тужиться над ней без передышки.

Но Том Олдос с ним еще не закончил. Когда они подъехали к Центру и поднялся шлагбаум, он сказал, словно и не было перерыва в разговоре:

– Вот почему – не сочтите за неуважение, – вот почему я думаю, мы напрасно тратим время с этим микроветряком. С инженерной стороны все обстоит прилично. Правительству надо заинтересовать в нем людей – это один росчерк пера, рынок сделает остальное. На этом можно много заработать. Но солнечная… искусственный фотосинтез, это передний край, тут предстоят огромные фундаментальные исследования в нанотехнологии. Профессор, это можем быть мы!

Олдос открыл дверь, и Биэрд устало вылез из машины. Он сказал:

– Благодарю вас за ваши соображения. Но, знаете, вам надо научиться следить за дорогой. – И отвернулся, чтобы пожать руку Брейби.

Поэтому во время еженедельных обходов он надеялся избежать встреч с Олдосом наедине: молодой человек постоянно пытался склонить его к овладению солнечной энергией или донимал квантовыми объяснениями фотоэлектричества и вообще угнетал своим дружелюбием и энтузиазмом, по-видимому не замечая угрюмости Биэрда, когда убеждал его, что надо отказаться от ИВУ. Конечно, ее надо было забросить, поскольку она съедала почти весь бюджет, все больше обрастала сложностями и все меньше вызывала интереса. Но это была идея Биэрда, и отказ от нее стал бы личной катастрофой. Так что в нем росла неприязнь к этому молодому человеку, к его крупному простецкому лицу и раздутым ноздрям, к его хвостику, браслету из перевитых грязно-красного и зеленого шнурков, к его святошеской диете в столовой – салату и йогурту, к его привычке садиться без приглашения со своим подносом поближе к Шефу, на которого нагоняли тоску сообщения, что Олдос боксировал за Норфолк на чемпионате графств, греб в команде своего колледжа в Кембридже и пришел седьмым в марафоне в Сан-Франциско. Были романы, которые, по его мнению, Биэрду необходимо прочесть – романы! – события в

современной музыке, о которых ему следовало знать, и кинофильмы, прямо касающиеся их работы, документальные ленты об изменении климата, которые Олдос видел как минимум дважды и был бы счастлив посмотреть еще раз, если бы Шеф счел возможным уделить им внимание. Ум у Олдоса был устроен таким образом, чтобы через посредство норфолкской речи без устали давать советы, что-то рекомендовать, убеждать в необходимости перемен и выражать энтузиазм по поводу какой-нибудь поездки, или отпуска, или книги, или витамина, что само по себе было формой проповеди. Ничто так не подрывало доброжелательности Биэрда, как настоятельные советы провести месяц в долине Свата.

В здании, где прежде проверяли на вредность кирпичную пыль и стекловату, он ходил по лабораториям и выслушивал недельные отчеты инженеров, конструкторов и неких загадочных энергоконсультантов, создавших пространный документ под названием «Мотивировка микроветра 4,2», – Биэрд не нашел в себе сил прочесть даже первый абзац. За это лето отдел по набору персонала, сам только что набранный, нанял столько народу, что каждую неделю Биэрду приходилось объяснять пяти-шести незнакомцам, кто он такой. Не участвовали в ИВУ считаные единицы, и, обходя лаборатории, Биэрд все больше унывал. Несмотря на все труды, для испытаний в Фарнборо не было ничего готового, никто так и не занялся вплотную проблемой турбулентности, никто всерьез не задумывался над тем, что делать при отсутствии ветра, – ни у кого даже проблеска идеи не было, как накапливать электричество дешево и эффективно. Требовался отдельный большой проект по разработке емкого аккумулятора для дома, но предлагать его было поздно: почти все работали над ИВУ, а кроме того, о разработке аккумулятора как раз и жужжал все время Олдос. Гораздо лучше построить на юрском побережье Дорсета складненький реактор, чем погубить миллион крыш вибрацией, срезающей нагрузкой, опрокидывающим моментом бесполезной машинки, для которой ветер редко будет достаточно сильным, чтобы дать сколько-нибудь полезный ток.

Как такое могло случиться, не без жалости к себе удивлялся Биэрд, переходя из одной комнаты в другую, – как могло его случайное замечание бросить всех в погоню за призраком? Ответ был прост. За его предложением последовали разъяснительные записки, детальные планы в сто девяносто семь страниц длиной, наброски бюджета, таблицы, и все он подписывал, не читая. А почему? Потому что Патриция затеяла роман с Тарпином и он больше ни о чем не мог думать.

Он возвращался по коридору мимо кабинета Брейби, чтобы поговорить со специалистом по материалам, но на пути его вырос сам Брейби – Брейби стоял в дверях и возбужденно манил его к себе. В кабинете один из двух «хвостов» по имени Майк прикреплял липкой лентой к доске чертеж.

– Кажется, у нас что-то есть, – сказал Брейби, закрывая за Биэрдом. – Майк только что принес.

– Не подумайте, профессор, – сказал Майк. – Это не я нарисовал. Я нашел.

Брейби взял Биэрда за рукав и подвел к доске.

– Посмотрите. Хочу знать ваше мнение.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Дисморфия – психическое расстройство, когда человек чрезмерно обеспокоен дефектами или особенностями своего телосложения. (Здесь и далее прим. перев.)

2

Боль скорбь (фр.)

3

Schloss (нем.) – замок.

4

Гибридный автомобиль компании «Тойота».

5

Высшего (ит.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/ien-makyuen/solnechnaya-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить